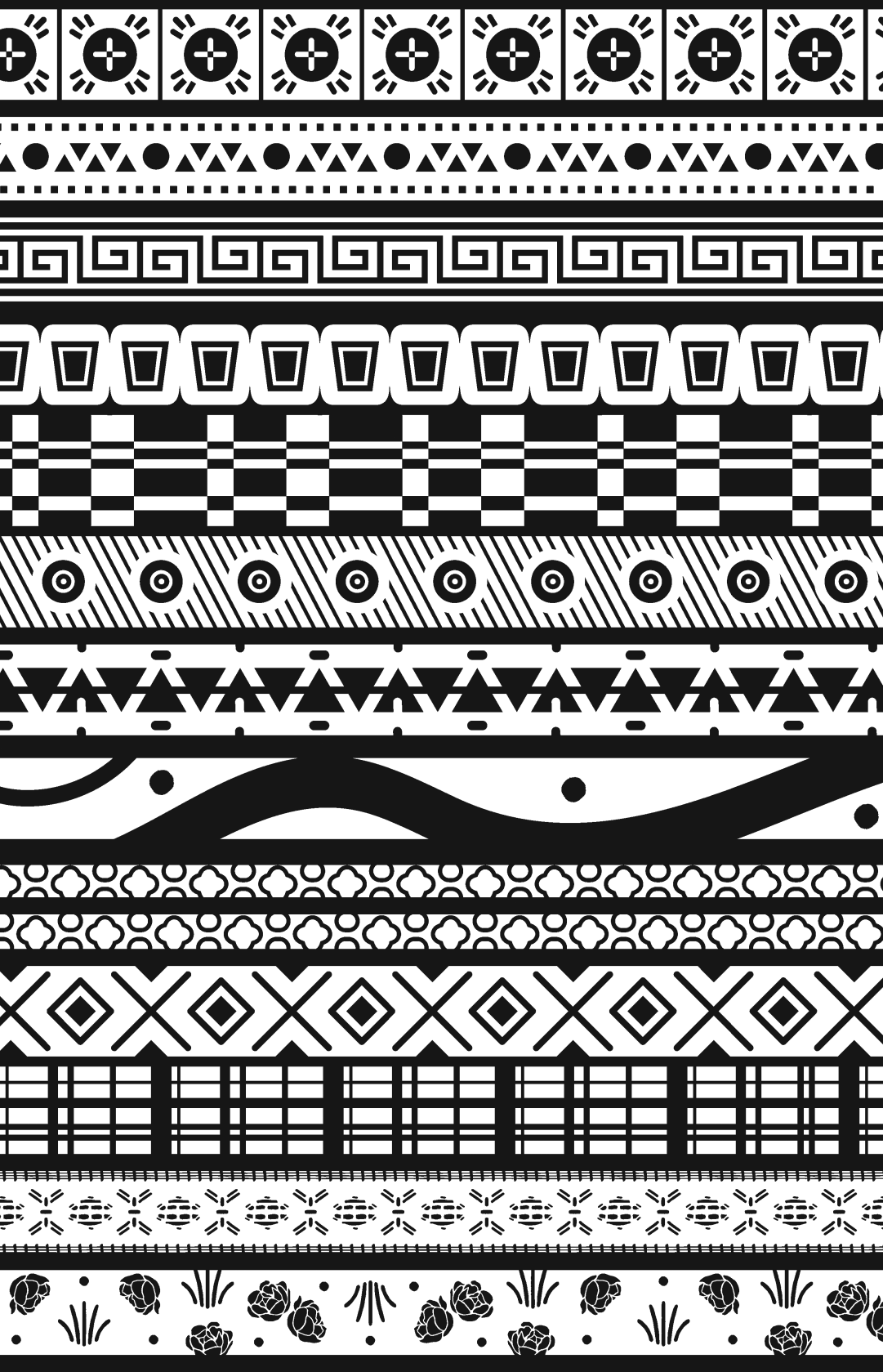

*Посвящается юным революционерам,
выбравшим самую одинокую работу в мире*

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Меня зовут Тарисай Кунлео, и я больше никогда не потеряю тех, кого люблю.

Я шла по коридорам дворца, отбивая сандалиями ритм: *ни-ко-гда, ни-ко-гда*. Я собиралась повторять эту мантру, пока подошвы не сотрутся до дыр. Гриоты, священные сказители нашей империи, играли на барабанах, рассказывая свои истории, чтобы в эти истории было легче поверить.

Так и я собиралась петь эту песню, пока сама в нее не поверю.

«*Тар?* – в затылке загудело: Кира мысленно говорила со мной через Луч. – *Ты в порядке?*»

Кира, моя названная сестра, и Мбали, бывшая Верховная Жрица Аритсара, стояли передо мной в широком коридоре. Я догнала их, наигранно улыбаясь. Потом вспомнила, что они не видят моего лица.

Наши лица закрывали церемониальные вуали из ярких бусин и ракушек, доходящие до груди. Головы украшали высокие кожаные головные уборы в форме красных языков пламени. Наши одеяния были данью уважения Полководцу Пламени, создателю смерти: мы изображали *биринсинку* – мрачных вестниц смерти, исполнявших священные ритуалы для приговоренных к казни.

«*Все отлично*», – ответила я Кире также через Луч, скрипнув зубами. Затем я продолжила уже вслух ради Мбали, заставив свой голос звучать непринужденно:

– Я просто... ну, знаешь. Немного волнуюсь по поводу Гаддаса.

Слуги и придворные по всей Ан-Илайобе обходили нас стороной. Ходили слухи, что биринсинку приносят неудачу: когда мы проходили мимо, люди осеняли себя священным

знаком Пеликана, чтобы защититься от зла. Никто и не подозревал, что за сверкающими вуалями прятались я, Кира и Мбали, планировавшие освободить из тюрьмы самого ненавистного в Аритсаре человека.

Ровно две недели назад Дайо назвал меня императрицей Аритсара.

До этого момента весь мир считал, что на каждое поколение может быть только один Лучезарный — и обязательно мужчина. Луч — врожденный дар, передающийся от первого императора Аритсара, Энобы Совершенного. Сила Луча практически дарует правителям бессмертие и позволяет сформировать Совет — соединять разумы двенадцати человек из каждого королевства на огромном континенте Аритсара.

Но Эноба солгал о своем даре. Он с самого начала не должен был править один, потому что на каждое поколение даются два Луча: один для мужчины, другой — для женщины. Поэтому теперь, нарушив пятисотлетнюю традицию, Луч был и в моей крови. Один тот факт, что я девушка, уже гарантировал мне достаточно врагов, но, как будто этого было мало... одной импульсивной клятвой я подвергла всю империю серьезной опасности.

Столетиями демоны, которых мы зовем абику, наводняли наш континент, вызывая засуху и болезни, утаскивая души людей в Подземный мир. Эноба заключил с ними перемирие, пообещав абику посылать детей в пахнущий серой Разлом Оруку — три сотни живых Искупителей в год. Я разорвала это перемирие, предложив вместо детей себя в качестве последней Искупительницы. Абику приняли мое предложение, но с одним условием: прежде чем я войду в Подземный мир, я должна помазать правителей всех двенадцати аритских королевств и собрать собственный Совет.

Они дали мне два года. Если за это время я не сумею собрать Совет и войти в Разлом Оруку... то абику обрушат свой гнев на континент. Все подвергнутся опасности — даже жрецы в их уютных храмах или аристократы в их позолоченных крепостях.

Представители знати в ярости требовали, чтобы я проходила одно испытание за другим. В конце концов, если бы

мой Луч оказался фальшивкой, то обещание, данное мной абику, можно было бы отменить, чтобы вернуть предыдущие условия перемирия. Но на глазах у сотен изумленных придворных я ходила по горящим углям, выпивала кубок за кубком пеликанье масло и погружала лицо в сосуды со святой водой — согласно легенде, все эти задания смертельны для любого, кроме Лучезарных.

Однако самое главное доказательство светилось яркими узорами на моих руках: живая карта Подземного мира, отмечающая меня в качестве Искупительницы. Абику бы не приняли мои условия и не отказались бы от бесконечных жертвоприношений, если бы я не являлась Лучезарной. Чтобы заполучить мою душу, абику дали обещание, а сделку, заключенную бессмертными и скрепленную кровью, нельзя нарушить.

Дайо умолял меня не провоцировать знать еще больше.

— Хотя бы пока что, — просил он. — Я хочу, чтобы они полюбили тебя, Тар. Чтобы увидели тебя такой, какой вижу я.

Мне не хотелось, чтобы он беспокоился. Так что я пообещала пока не лезть на рожон. И я собиралась выполнить это обещание. Честное слово.

Сразу после того, как вызволю из тюрьмы человека, совершившего государственную измену.

Через незастекленные окна Ан-Илайобы падали лучи утреннего солнца, отбрасывая блики на радужные плиты пола. Со двора доносилась песня: дети придворных с ужасающим восторгом наблюдали за тем, как воины Имперской Гвардии устанавливают эшафот.

*Глаза у тебя будут ли
При встрече с Эгунгуном?
Скажи, и будут уши ли
При встрече с Эгунгуном?
Как с пальмы падает кокос,
Так с шеи — голова.
И катится, и катится
Так по земле она.*

«Глупые дети», — успокаивающе произнесла Кира через Луч, чувствуя мою ярость.

Я сгорбила плечи. Жители Аритсара верили, что после смерти все души присоединяются к Шествию Эгунгуна — первого человека, рожденного от Королевы Земли и Сказителя Ама. Эгунгун бродил по Подземному миру со своим барабаном, ведя души к Раю в Ядре. Эти дети снаружи смеялись над Таддасом, которого через несколько часов ждала смертная казнь.

Бывший Верховный Судья Аритсара совершил невообразимое — даже две недели спустя многие до сих пор не верили, что такое возможно. Впервые за пятьсот лет Помазанник убил своего Лучезарного.

Но Таддас был всего лишь марионеткой в руках моей матери. Он убил Олугбаде только для того, чтобы спасти жизнь Мбали. Это я рассказала Леди об отношениях Таддаса и Мбали, чем невольно вручила ей рычаг давления, а значит... все это — моя вина. Кроме того, Таддас был *моим*. Как мои названные братья и сестры, как Верховная Жрица Мбали, как алагбато Мелу. Даже у Ву Ина и Кэтлин, Помазанников моей матери, имелось место в моей истории.

Всю свою жизнь я мечтала о семье. Теперь, когда мне наконец удалось ее обрести, пусть даже не самую здоровую... никто не сможет отобрать ее у меня. Даже смерть.

Я заставила себя перестать хмуриться. Если все пройдет по плану... Таддас не отправится танцевать с Эгунгуном еще долгое время. «Пусть смеются, — сказала я себе. — Все получится, вот увидишь».

Но непрощеная мысль все же пошатнула мою решимость: «Разве твоя мать не поступила бы так же?»

Я сжала зубы. Слишком долго в Аритсаре считалось, что девочки могут быть только или добродетельными слугами империи, или коварными злодейками, как Леди. Настало время заставить эти голоса замолкнуть.

На шее, скрытая под одеянием, у меня висела маска в виде головы львицы. Я дотронулась до нее сквозь ткань, и кончики пальцев закололо: при помощи своего Дара я вызвала воспоминания об Айтеоро, единственной императрице за

всю историю Аритсара, помимо меня. Она жила слишком давно, чтобы я могла проникнуть в ее память. Но остатки ее величественной уверенности наполняли легкостью мои шаги. Я абсолютно точно спасу Таддаса. В конце концов, кто способен остановить благословленную богом Лучезарную? Это все равно что пытаться остановить солнце, катящееся по небосводу.

«Ты — Тарисай Кунлео. И ты больше никогда не потеряешь тех, кого любишь».

Таддас ждал на Небесах — в открытой всем ветрам тюрьме на верху самой высокой башни Ан-Илайобы. Мы с Кирой и Мбали долго шли по дворцу. Коридоры были еще пусты, за исключением нескольких сонных придворных. Похоронные рясы скрывали все необходимые вещи, которые мы взяли для побега Таддаса. Маскировку завершали инструменты биринсинку — небольшие флаконы с ритуальными травами и святой водой позвякивали у нас на поясе при ходьбе.

— Мы справимся, — пробормотала я, издав нервный смешок.

— Он не примет помощь, — предупредила Мбали, когда мы прибыли к крутой лестнице, ведущей в Небеса.

Я заставила себя отпустить сомнения и улыбнулась ей:

— Конечно, примет.

Я старалась не думать о том, что только вчера слуга украдкой вручил мне записку, слова которой были выжжены на телячьей коже — так работал Дар Таддаса.

«До меня дошли слухи о готовящемся побеге. Если эти слухи правдивы, то ты поступаешь глупо.

Ради Ама, я ведь убил императора!

Никто меня не заставлял. Я был в своем уме. Какую бы привязанность ко мне ты ни испытывала, я всего лишь пожинаю то, что сам же посеял. Твое положение сейчас и без того достаточно шаткое. Я не утяну тебя на дно за собой: не давай жителям Аритсара лишний повод усомниться в твоём праве на трон.

Однажды я сказал тебе: справедливости нет, есть только порядок. Но я ошибался. Иногда справедливость и порядок — одно и то же.

Оставь меня, ученица. Я присоединюсь к Шествию Эгунгуна».

Таддас не подписал письмо. Его перстень-печатку отобрали при аресте — кроме того, он знал, что в подписи нет нужды. При каждом прикосновении к записке я чувствовала своим Даром руки бывшего наставника, его боль и решимость. Вероятно, он намеренно усилил свои чувства, когда писал это, зная, что они передадутся мне от бумаги.

— Вы сможете убедить его бежать, — сказала я Мбали. — Знаю, он беспокоится о моей репутации, но ведь нас не поймают. Нам нужно только...

— Он не пойдет с нами, — повторила Мбали. — Дело не в тебе, Тарисай. Он только притворяется, что это так.

Мы устали себе под ноги. Кира сжала мою руку: в последний раз, когда мы стояли на этой лестничной площадке, одиннадцать стрел целились в сердце моей матери. Леди пережила эту произвольную казнь, но ее случайно отравил Ву Ин, ее собственный советник. Я была уверена, что Мбали под вуалью тоже выглядит испуганной.

— Таддас должен был защищать Олугбаде любой ценой, — прошептала Мбали. — В этом весь смысл помазанничества. Именно поэтому я готова была позволить Леди уронить меня с этой самой башни. Но Таддас... — она вздохнула. — Он не смог меня отпустить. Он нарушил самую священную из принесенных им клятв и теперь считает, что вселенная должна покарать его за это.

По рукам у меня прошелся холодок.

— Он *хочет* умереть?

Мбали кивнула. Бусины на нитях ее вуали звякнули.

— Это безумие, — пробормотала я.

— Нет, — ответила Мбали бесстрастно. — Просто таков уж Таддас.

Кира скрестила руки на груди.

— Кое-что Верховный Судья любит даже больше, чем порядок, Верховная Жрица. Или, вернее, кое-кого. Я видела это.

— Тебе не стоит называть меня так, — пожурила ее Мбали тихо. — Ты унаследовала этот титул, *Верховная Жрица Кира*, в момент смерти Олугбаде. Точно так же и Таддас больше не Верховный Судья. — Она обратила взгляд своих зеркаль-

но-черных глаз на меня. — Чем скорее вы обе смиритесь со своими новыми ролями, тем лучше.

Кира вспыхнула.

— Ну, а я все равно считаю, что вы могли бы убедить его, Вер... Ваше Святейшество. Когда вы входите в комнату, он меняется до неузнаваемости. Вы — его Ядро. — Я подозревала, что этот упрямый тон она унаследовала от матери. — И вам это известно.

Затем она протянула нам затычки из воска. Мбали, казалось, все еще сомневалась, но, вздохнув, она пожала плечами и заткнула уши. Я сделала то же самое.

Кира начала петь. Звук был приглушенным, но я узнала ту самую колыбельную, которую Кира пела при нашей первой встрече, пока мы ждали своей очереди перед испытаниями в Детском Дворце. Я зажала уши поверх затычек руками, но звонкий голос Киры все равно просачивался в тело, напоминая ему, как оно устало. Как хорошо было бы отдохнуть. Как хорошо было бы задремать прямо здесь, на холодном полу...

Я встряхнула головой и начала напевать встречную мелодию, чтобы прочистить мысли. А вот стражникам на лестнице повезло меньше. Когда их тени легли на ступеньки, четверо воинов устало ссутулившись, зевали и шурились, глядя на нас. Трое сумели пройти еще несколько ступеней, а затем осели на пол, уснув. Последняя стражница, похоже, успела понять, что происходит, но прежде чем она сумела позвать на помощь, я взбежала по лестнице и украла из ее воспоминаний последние несколько минут. Она безо всякого выражения смотрела на мое закрытое вуалью лицо. Я вдруг ощутила себя виноватой.

Скрипнув зубами, я снова надавила на ее виски, стирая из памяти все утро и предыдущий день. Годы попыток избавиться Санджита от кошмаров научили меня, что человеческий разум — опасно настойчив. При наличии достаточного контекста люди могли воссоздать украденные воспоминания, дорисовывая недостающие кусочки самостоятельно. Если Таддасу удастся сбежать, я не могла позволить стражникам вспомнить, кто ему помог.